

Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Svazek 1. Předložky. Koncové partikule. Tento svazek sestavil F. Kopečný. Praha, 1973

Настоящим томом началась публикация этимологического словаря славянских языков, подготавливаемого в течение многих лет брненским коллективом чехословацких ученых (пробный выпуск словаря, увидевший свет в Брно в 1966 году, известен читателям «Этимологии» по рецензии Ж. Ж. Варбот).

Авторы избрали оригинальную композицию, при которой словарь разбивается на ряд тематических томов. Принцип выделения «тем», как видно по тому 1-му, — не семантический, как в первую очередь можно было бы ожидать, исходя из словарной практики, из факта, что словари бывают либо строго алфавитные, либо тематические (идеологические). В основу словаря (по крайней мере, его ныне рецензируемого тома 1-го, а также следующего тома 2-го, см. «Předmluva», стр. 5) положен в данном случае грамматический принцип, т. е., строго говоря, принцип не словарный. Замечательно, что за последние годы это уже вторая попытка в славянской этимологической лексикографии (первой мы считаем словарь Садник — Айцетмюллера с его гнездовыми статьями-рубриками) преодолеть традиционный чисто алфавитный словарный порядок.

Основная идея настоящего тома нового словаря — объединить «периферийные» («okrajová», по выражению автора, стр. 5) слова, не пользовавшиеся ранее необходимым вниманием со стороны составителей этимологических словарей. При всех возможных возражениях, на которых мы здесь подробно не останавливаемся, идея подобной монографической обработки бесспорно вызывает интерес и может быть признана полезной. Важно также и то, что за такую задачу взялся Ф. Копечный, известный своими исследованиями в области служебных, грамматических слов славянских языков.

Словарю предпослан довольно содержательный перечень литературы и источников («Seznam literatury a pramenů», стр. 19—37), где, между прочим, привлекает внимание ссылка на рукопись: V. Polák. Dictionnaire étymologique de la langue albanaise; правда, с другой стороны, мы не можем не отметить отсутствие там специальной монографии Е. Т. Черкасовой «Переход полнозначных слов в предлоги» (М., 1967) тем более, что соответствующий материал русского и других восточнославянских языков постоянно в центре внимания Ф. Копечного. Достаточно открыть первую страницу словарной части тома, чтобы встретить заглавные слова вроде блр. *адносна* (стр. 41), дальше — блр. *датычна* (стр. 54), укр. *наперед* (стр. 128), русск. *относительно* (стр. 157), вост.-слав. *-небудь/-нибудь* (стр. 323); все формы даны в словаре в латинице.

Как мы уже сказали, Ф. Копечный давно исследует проблематику славянских служебных слов; как исследователь он отличается остротой и оригинальностью суждений. Тем более досадно встречать в его новом этимологическом словаре славянских языков категорические утверждения вроде следующих: «Etymologické *kъ* do složenin nevchází» (стр. 87); «jako prefix tato prer. neexistuje. . .» (стр. 106); «. . . *kъ* neexistuje jako prefix. . .» (стр. 106). Копечный по сути дела повторяет положение Бенвениста (и отчасти Вайяна), который провел слишком прямолинейную параллель между слав. *kъ* и иран.

(согд.) *ku*¹. В том, что это по меньшей мере неточно отражает действительное положение в славянском, в общих чертах известное уже Миклошичу², можно убедиться на славянских примерах, которые не л ь з я объяснить, не принимая *k(ъ)*-префиксальное: русск. *колура*, *каверза*, укр. *ковертати*, *прикмити*, *ков'язнути*, если брать только этимологически наиболее ясные примеры, не говоря о гораздо большем количестве случаев, где наличие приставки *kъ* (или ее вариантов) этимологически затемнено сильнее, хотя тоже вероятно. Ясно, что перед нами особый префикс, по-видимому, экспрессивный, хотя и не продуктивный в современных славянских языках и диалектах³. Не должно вызывать как будто сомнений и его происхождение (объясняющее причину его экспрессивности) из местоименной основы *ko-* (слав. *kъ*). Приставочное употребление *kъ-* (*ka-*, *ko-* и т. д.) непосредственно восходит к *kъ-* местоименному, поэтому Копечный неправ, производя *kъ* только из местоименного наречия **ku(de)*, см. стр. 106 Словаря. Чтобы закончить с вопросом о *kъ*, отметим еще одну неудачную формулировку автора на той же стр. 106: «Наш предлог не существует даже в ближайше родственном балтийском, будучи заменен напр. в лит. *priē*, ср. *pri*. . .» Автора можно понять таким образом, что когда-то в прошлом эквивалент слав. *kъ* существовал и в балтийском.

Говоря о кашубскословинском предлоге *liki* 'до' (стр. 107), Копечный ссылается на догадки Махека о связи с синонимичным лит. *iki*. Он готов допустить здесь и случайное сходство, но указывает «на ещё больше похожее» лит. *lig(i)* 'до', связанное с *lygus* 'равный' и с нем. *g-leich* 'равный', 'словно, как'. В конечном счете автор допускает заимствование словин. *liki* из лит. *ligi*. От внимания Копечного, к сожалению, ускользнула новая публикация об упомянутых словах⁴.

Монографическое выделение в данном томе служебных слов и прежде всего — предлогов приводит к такой типичной особенности как нежелательный отрыв вторичных предлогов вроде *město* (стр. 110 и сл.) от первичного знаменательного слова слав. *město*, рассмотрение которого, в том числе его этимологии, откладывается до следующих томов словаря.

Надо сказать, что сами по себе предлоги, их семантика и употребление представлены в томе со всей широтой и обстоятельностью. Им посвящены нередко очень большие статьи. Остановимся на некоторых первичных предлогах. Напр. предлог *ob(ъ)* занимает стр. 132—141. Этот предлог вступает в различные сложения, из которых мы отметим лишь любопытное этимологически *okrbъtъ* (стр. 143). Автор видит здесь сложение *o(b)* и *krbъtъ* 'крест' и сам признает, что понятия 'вокруг' и 'крест' трудно объединить. Вызывает удивление то, что полностью обойдена молчанием этимология Махека, сближавшего слав. *okrbъtъ* и лит. *apskritis* 'округ' (Machek² 412, s. v. *okrsek*).

Предлог и приставка *po* занимает стр. 178—192 (больше 10 страниц — обзор употреблений).

Славянские предлоги-приставки, в том числе древнейшие, т. е. первичные, представляют собой относительно поздний продукт эволюции индоевропейского состояния, у истоков которого можно поместить полные формы вроде п.-с. **anō*, **aro*, **uro*, **ag'ō*, **ug'ō*, а на другом конце мысленной траектории слав. **vъ(n)*, **na*, **po*, **vъz*, **oz*, **za*. Только этимологическая реконструкция в силах сгруппировать эти последние формы, выяснив, что, например

¹ См. об этом О. Н. Трубачев. Задачи этимологических исследований в области славянских языков. «Актуальные проблемы славяноведения» (=КСИС 33—34). М., 1961, стр. 208—209.

² См. Miklosich, стр. 152—153.

³ См. A. Debeljak. O mrtvih velarnih predponah. — SR V—VII, 1954; J. S. Ch. ü z. Das präfigierende Element *ka-* / *ko-* / *k-* in der Wortbildung des Slavischen. — WdS X, 1965.

⁴ О. Н. Трубачев. Этимологические заметки. — «Donum balticum. To professor Ch. S. Stang on the occasion of his seventieth birthday 15 march 1970». Edited by V. Rūķe-Draviņa. Stockholm, 1970, стр. 544 и сл.

слав. **vъ* и **na* тяготеют к и.-е. **ano* и т. д. (см. ниже), соответственно продолжая начало или конец индоевропейской полной формы, которая как бы подвергается расщеплению. Этот диахронический процесс очень древний и представлен достаточно широко в индоевропейских языках. Несколько слов о том, как он отражен в труде Копечного.

На стр. 159 автор приводит пропорцию *vъn : na = vъz : za*, вслед за Траутманом. Копечный оперирует неоднократно индоевропейской реконструкцией **ani*, причем специально в связи с лит. *nið* (стр. 156); следует заметить, что именно этой последней форме, как, впрочем, и слав. *na*, может соответствовать только и.-е. **anō*, ср. сюда же греч. *ἄνω*.

Этимологию слав. *po-* также легче будет понять, приняв расщепление первоначального полного и.-е. **aro* (ср. др.-инд., авест. *ara*, греч. *ἀπό* 'от', хетт. *арра* 'вслед', *за*) и, возможно, также **uro* (др.-инд. *ура* 'у', 'к', греч. *ὑπό* 'под'), от которого в славянском (а также в балтийском и некоторых других языках) сохранилось краткое *po-*. Такой довольно широкий круг соответствий слав. *po-* делает недостаточно ясной причину этой односторонней эволюции, поскольку только в славянском мы можем говорить об отсутствии фонетических условий для сохранения, скажем, кратких форм **ар*- или **ур*-. Первая из них не могла не слиться с **об*- (в балтийском как раз наоборот, ср. абсолютное господство *ар*- в литовском!), а вторая — через гипотетическую стадию **vъ(p)*- — должна была без остатка раствориться в слав. **vъ(n)*.

Переходя в заключение к реконструируемым полным и.-е. **ag'ō*, **ug'ō* (см. выше), отметим прежде всего, что их не выделяет особо, например, Покорный. Речь, конечно, идет о региональных предлогах и приставках, ограниченных славянским (**vъz*, **za*, см. также ниже) и балтийским (лит. *už*, *ažu*, лтш. *aiz*, лит. *ižuo*), при сомнительности прочих индоевропейских соответствий. Но схема развития и отношений форм между собой, а также самобытность самих форм позволяют предполагать здесь также индоевропейскую древность аналогично случаям наилучшей сохранности всех звеньев вроде и.-е. **anō* (выше). В соответствии с данными сравнительного языкознания автор идентифицирует слав. *vъz* = лит. *už* и слав. *za* = лит. (*a*)*žu* < **ažuo* (стр. 280). Конечно, только формальная двусмысленность славянской материала мешает нам увидеть, например, в русск. *вза-* (*взаправду*, *взашей* и т. п.) историческое соответствие лит. *ižuo*-. Вызывает удивление совершенное отсутствие в словаре Копечного такой формы как слав. *oz* в значениях, близких слав. *vъz* и *za*. Эта форма *oz* генетически самостоятельно соответствует лит. *až(u)* и лтш. диал. *az*. Сюда относится, несмотря на возражения Эндзелина⁵, с.-хорв. *дэдѡ*, нареч. 'снизу, внизу' (праслав. диал. **oz dolъ*) и *дэгѡ* 'сверху, наверху'. Невозможность объяснения этого *oz*-из **o(ð)z*-, вопреки Эндзелину, станет для нас очевидна, если обратить внимание на такое сербохорватское слово как *дэбилян* 'серьезный'⁶, которое мы реконструируем как праслав. **oz-byльnъ*. Для лучшего понимания этого последнего образования и функции приставки *oz-* в нем полезно привлечь как структурно-семантическую параллель русск. диал. (сев.) *вэд-быль*, нареч. 'в самом деле, вправду, подлинно, истинно, точно': Ты *вэбыль* говоришь, аль *шутить*? (Даль² I, 190). Эту фразу нельзя перевести на русский литературный язык иначе как: ты *с е р ь е з н о* говоришь или *шутить*? Ср. выше значение сербохорв. *дэбилян*.

Таким образом, монографическое обследование славянских предлогов с похвальной целью наибольшей полноты представления материала не убергло Ф. Копечного ни от пропусков, ни от затруднений проблемного характера.

О. Н. Трубачев

⁵ И. М. Эндзелин. Латгшские предлоги. I часть, стр. 16 = J. E n d z e l i n s. Darbu izlase I. Rīgā, 1971, стр. 325.

⁶ Сербохорв. *оз-*, *озбилян* нам не удалось найти и в новом этимологическом словаре Скока на своих алфавитных местах.